

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИДЕИ И ПРАКТИКИ

УДК 94.39(47)

Д. В. Верховцев

Пассионарии Льва Гумилёва как «новые люди»

Верховцев Дмитрий Владимирович, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва), научный сотрудник; DVerhovtcev@gmail.com

Давнее увлечение ролью героев в истории Л. Н. Гумилёва, автора пассионарной теории, наложилось на прямой совет евразийца Савицкого обратить внимание на «летчиков, полярников и моряков» как предвестников великого подъема СССР. Пассионарии заняли в концепции Гумилёва роль движителей этногенеза, поднимающих этнос на новые свершения в разных сферах жизни. Лев Гумилёв, имевший репутацию опального ученого, диссидента, и действительно, мало обращавшийся в своих работах к классикам марксизма-ленинизма, тем не менее прибегал к миметическому оппонированию марксистским догмам, апроприруя и используя их в интересах собственных построений.

Ключевые слова: история советской этнографии, Л. Н. Гумилёв, этнос, пассионарность, «новые люди».

Пассионарная теория этногенеза Льва Гумилёва среди прочих концепций кажется наименее подходящей для поиска рецепции идеи «нового советского человека». Она имела репутацию диссидентской: статьи Л. Н. Гумилёва о пассионарности печатались в научной периодике (серия «Ландшафт и этнос», 1964–1973), но защита суммирующей эти идеи докторской диссертации по географическим наукам (1974) не была утверждена ВАК. Монография,

созданная на основе диссертации, не была допущена к публикации, автор смог лишь депонировать ее во Всесоюзном институте научной и технической информации, и только там рукопись была доступна к прочтению. При этом даже опубликованные работы не принимались широким кругом ученых, занимавшихся вопросами этничности в СССР, и подвергались критике, наиболее последовательно этим занимался глава Института этнографии академик Ю. В. Бромлей.

Личность и тяжелая судьба самого Гумилёва вызывали сочувствие у разных групп советской интеллигенции, имевших порой полярные идеологические взгляды. Диссиденты и им сочувствующие выделяли среди фактов биографии ученого репрессии со стороны советского государства, направленные как на него самого, так и на его родителей – поэтов Николая Гумилёва и Анну Ахматову. В то же время, собственные взгляды Гумилёва к концу жизни оказались ближе к консервативно-патриотическому полюсу: он заявлял, что не относит себя к интеллигенции, а идентифицируется дворянином и воином¹. Более того, в своей трагической судьбе (14 лет лагерей и запрет на публикацию произведений) он в большей степени обвинял не советское государство, а коллег-ученых, которые, по мнению ученого, писали на него доносы, и мешали публиковаться².

Теория пассионарности, и правда, почти не содержала прямых отсылок к официальному историческому материализму, хотя и имела необходимые ссылки на классиков марксизма. Эти ссылки часто рассматривают как вынужденные и ритуальные, позволяющие напечатать научную работу, но не влияющие на общую канву изложения. В то же время, неартикулируемые Гумилёвым связи теории этноса и советского марксизма бросались в глаза многим исследователям, например, гомологичность социальных революций и реформаций – «пассионарному толчку»³. Автор теории пассионарности использовал язык советской идеологии больше имплицитно (тогда как его оппонент Ю. В. Бромлей – больше эксплицитно), в рамках стратегии миметического сопротивления⁴, осознанно или неосознанно пользуясь ее элементами.

Одним из таких элементов является концепция «нового советского человека», активно внедрявшаяся в общественный дискурс в 1930-х гг., она послужила одним из прообразов пассионариев. По версии Л. Н. Гумилёва, именно в этот период им была сформулирована концепция пассинарности, хотя в работах ученого она появилась на несколько десятилетий позже. Л. Н. Гумилёв вспоминал, что понятие пассинарности впервые пришло к нему в камере следственного изолятора «Кресты» в Ленинграде, во время

следствия 1938 г.⁵ Стахановцы, чкаловцы, папанинцы и другие «новые люди» были яркими героями активной пропагандистской компании в СССР того периода. Еще Марк Бассин подметил, что их образ, тиражировавшийся в газетах и искусстве, имел много общего с пассионариями Гумилева: это были активные личности, энтузиасты, совершавшие небывалые подвиги и преодолевавшие застывшие традиции, руководствуясь высшими идеалами⁶.

Есть и прямые свидетельства, что на «новых людей» 1930-х гг., как на предвестников будущего взлета советского народа, Гумилёву указывали коллеги. Евразиец П. С. Савицкий писал об этом автору концепции пассинарности в письме от 1957 г. По мнению Савицкого, в то время отсталость России от Запада была несомненна, но подвиги полярников, летчиков и моряков являлись «фактами-пророчествами», выступавшими предтечей успехов и великого подъема России. Именно концепцию «фактов-пророчеств»⁷ Савицкий предлагал Гумилеву применить к его исследованиям кочевников, что действительно можно увидеть в работах по пассинар-ной теории.

Конечно, идею пассинариев невозможно полностью вывести из «новых людей», у нее множество источников, использованных и переосмысленных Л. Н. Гумилёвым эксплицитно и имплицитно. Явная генеалогия возводит пассинариев к «людям длинной воли», которых описывал в своих работах евразиец Н. С. Трубецкой, по мнению которого, возвышению Чингисхана способствовала консолидация вокруг него монголов с особым психическим складом, ценивших честь выше жизни⁸.

С другой стороны, увлечение Л. Н. Гумилёва ролью героических личностей в истории можно отнести уже к середине 1930-х гг., правда, по данным достаточно специфического источника. В материалах следственного дела Л. Н. Гумилёва и Н. Н. Пунина содержатся протоколы допроса обвиняемых и свидетелей, в которых А. П. Борин приписывал Гумилёву такие слова, произнесенные в личной беседе: «Нет таких эпох, в которые нельзя было бы героическим усилием изменить существующее положение» и «есть еще дворяне, мечтающие о бомбах». Сам Гумилёв передавал смысл этого разговора иначе. По его показаниям, он говорил следующее: «Нет такой эпохи, в которой нельзя было бы вести политической борьбу»⁹. Сложно определить: действительно ли имел место пересказанный Бориным разговор о героическом усилии, меняющем ход истории, был ли он выдуман им или подсказан следователями – доподлинно можно говорить лишь о факте его обсуждения на допросах.

Но так или иначе, случай Льва Гумилёва и его теории пассинарности очень показательны как пример рецепции идеи «новых

людей» в относительно независимый от идеологии дискурс. Пытается противостоять советскому марксизму, узурпировавшему сферу метатеории социальных и гуманитарных наук, ученый применял стратегию миметического сопротивления, воспроизводя элементы идеологии в модифицированном виде, не обращая к ним напрямую¹⁰. Возможно, эта стратегия не привела к желаемым результатам, которые, вероятно, состояли в завоевании академического авторитета, однако, обеспечила широкую популярность теории пассионарности в среде интеллигенции (особенно технической), и к настоящему времени сделала Льва Гумилёва самым цитируемым отечественным ученым в области этнологии.

¹ Казаков В. Всем нам завещана Россия [Интервью с Л. Н. Гумилёвым]//Красная звезда. 1989. 21 сент. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article33.htm> (дата обращения: 25.10.2022).

² Дёмин В. Н. Лев Гумилёв. М.: Молодая Гвардия, 2008. С. 174.

³ Янов А. Л. Учение Льва Гумилева//Свободная мысль. 1992. № 17. С. 110–111; Шнирельман В. А., Панарин С. А. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии?//Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 15.

⁴ То есть сопротивление доминирующему дискурсу с заимствованием из него риторических приемов и набора идей. Подробнее история этой концепции и ее приложение к советским теориям этноса разбираются в статье: Верховцев Д. В., Петряшин С. С. Теории этноса vs марксизм: история миметического сопротивления//Кунсткамера. 2021. 1(11). С. 91.

⁵ Савкин И. Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава [Интервью с Л. Н. Гумилёвым]//Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: Прогресс; Пангея, 1993. С. 25–26.

⁶ Bassin M. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism and the Construction of Community in Modern Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 2016. P. 121–133.

⁷ Верховцев Д. В., Петряшин С. С. Указ. соч. С. 97.

⁸ Трубецкой Н. С. Наследие Чингизхана. М.: Аграф, 1999. С. 230–233.

⁹ Вспоминая Л. Н. Гумилева: Вспоминания. Публикации. Исследования. СПб.: Росток, 2003. С. 303–304.

¹⁰ Верховцев Д. В., Петряшин С. С. Указ. соч. С. 91.

UDC 94.39(47)

D. V. Verkhovtsev

Lev Gumilev's Passionarians as "New Men"

Verkhovtsev Dmitry Vladimirovich, The N. N. Miclouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow), researcher; DVerhovtcev@gmail.com

The long-standing fascination of L. Gumilev, the passionarity theory progenitor, with the historic role of heroes, overlapped with the direct advice from Eurasian theorist Savitsky to pay attention to “pilots, polar explorers and sailors” as harbingers of the unprecedented rise of the USSR. In Gumilev’s concept, passionarians were drivers of ethnogenesis who propelled their ethnos to new achievements in various fields. Known as a disgraced researcher and a dissident, L. Gumilev indeed was reluctant to mention the Marxist-Leninist classics in his works; he did, however, use mimetic opposition to the Marxist dogmas as a means to test them and use them to serve his own theories.

Keywords: the Soviet ethnography history, L. Gumilev, ethnos, passionarity, “new men”.